

УДК: 111

DOI: 10.15372/PS20210204

И.Е. Прись**ТРЕВОГА, АУТЕНТИЧНОСТЬ И СТРУКТУРА
РАЦИОНАЛЬНОСТИ¹**

Мы предлагаем расширение структурной аналогии, проводимой Д. Иганом между проблемой тревоги у М. Хайдеггера и проблемой следования правилу у Л. Витгенштейна на случай проблемы петлевых предложений, рассматриваемой Витгенштейном в работе «О достоверности». На наш взгляд, философия позднего Витгенштейна содержит понятие аутентичности: аутентичными являются языковые игры как новые корректные применения витгенштейновских правил, которые ими управляют. Мы трактуем аналогию между Хайдеггером и Витгенштейном с точки зрения контекстуального реализма. Также мы указываем и на существенные различия в подходах этих философов

Ключевые слова: Хайдеггер; Витгенштейн; тревога; боязнь; эпистемическая тревога; эпистемическое головокружение; реальность; проблема следования правилу; петлевые предложения; скептицизм

I.E. Pris**ANXIETY, AUTHENTICITY, AND STRUCTURE
OF RATIONALITY**

We propose a generalization of David Egan's structural analogy between Heidegger's Angst problem and Wittgenstein's rule-following problem to the case of the problem of hinge propositions, considered by Wittgenstein in his work *On certainty*. In our view, Wittgenstein's later philosophy contains the notion of authenticity: the language games as new correct uses of Wittgensteinian rules are authentic. We treat the analogy between Heidegger and Wittgenstein from the point of view of a contextual realism. We also indicate that there are substantial differences in the approaches of the two philosophers.

Keywords: Heidegger; Wittgenstein; anxiety; fear; epistemic angst; epistemic vertigo; reality; rule-following problem; hinge propositions; scepticism

¹ Статья подготовлена при частичной поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований № Г 20 – 026.

Введение

Аналогия между философией Хайдеггера (в основном раннего Хайдеггера «Бытия и времени», и даже только первого раздела «Бытия и времени») и философии позднего Витгенштейна (в основном Витгенштейна «Философских исследований») проводилась многими авторами [1; 2; 5; 22; 36; 38; 43] (см. ссылки в [10; 33; 34]). Оба философа исследуют повседневные практики, имеющие публичный смысл. Р. Брэндом, например, обоих называет нормативными прагматистами [27–29]. Недавно Д. Иган расширил эту аналогию на второй раздел «Бытия и времени», в котором Хайдеггер рассматривает тему тревоги (нем. Angst; англ. anxiety)² – одного из экзистенциалов (модусов бытия) Дазайн, специфического способа человеческого существования (бытия), – и вводит имеющее отношение к ней понятие аутентичности: ответ на тревогу может быть аутентичным или неаутентичным [33; 34]. Иган полагает, что понятие аутентичности отсутствует у Витгенштейна, по крайней мере в явном виде, но благодаря структурной аналогии, которую он устанавливает между темой (проблемой) тревоги и витгенштейновской проблемой следования правилу, это понятие можно обнаружить и у автора «Философских исследований». У Хайдеггера, в свою очередь, эта аналогия позволяет решить проблему аутентичного ответа на тревогу, подобно тому как Витгенштейн решает проблему следования правилу.

Мы предлагаем обобщение предложенной аналогии на случай проблемы петлевых предложений, рассматриваемой Витгенштейном в работе «О достоверности». В отличие от Игана, мы полагаем, что философия позднего Витгенштейна содержит аналог понятия аутентичности: аутентичности соответствует «спонтанность» новорожденных языковых игр. Мы трактуем аналогию между Хайдеггером и Витгенштейном с точки зрения контекстуального реализма. Мы также указываем и на существенные различия в подходах этих философов.

² Мы переводим хайдеггеровский термин Angst как «тревога», а термин Furcht как «боязнь». В.В. Библихин переводит первый термин как «ужас», но в примечаниях отмечает, что он может быть также переведен как «тревога» или «тоска», а второй – как «страх» [22]. Как соответственно «страх» и «боязнь» эти термины переводятся Е.В. Борисовым. См. также [20]. Как «тревога» или «ужас» переводит термин Angst О.А. Доманов [4].

1. Тревога (Хайдеггер) и проблема следования правилу (Витгенштейн)

Тревога возникает в результате осознания отсутствия обоснованного фундаментального «проекта», лежащего в основании наших проектов, что обесмысливает всю холистическую систему вложенных друг в друга проектов, с которыми имеет дело хайдеггеровский Дазайн³. Другими словами, всякий проект имеет цель постольку, поскольку он оказывается вложенным в более общий проект, который служит для него обоснованием. Фундаментальный проект отвечает на вопрос «для чего?» (нем. *Worum-willen*; англ. *for-the-sake-of-which*). Однако в отношении самого фундаментального проекта тоже возникает вопрос «для чего?», на который нет ответа; при этом «готовность к руке», или «подручное сущее»⁴ (нем. *das Zuhandene*), употребляемых на практике в рамках проектов инструментов⁵ (например, молотка), предполагающих норму для своего употребления (употребление может быть корректным или нет), превращается в простое (теоретическое) «присутствие под рукой», или «налич-

³ Дазайн – это человек в мире, т.е. человек, вовлеченный в социальные практики, в холистическую систему связей, придающих окружающему миру и вещам в нем смысл. Вещи приобретают смысл в своем употреблении как «подручное сущее» (нем. *das Zuhandene*; англ. *ready-to-hand*), как готовые к употреблению инструменты. В отрыве от употребления они превращаются в «наличное» (нем. *das Vorhandene*; англ. *present-to-hand*), в просто изолированные, «присутствующие под рукой» вещи (см. перевод терминов в [20; 35; 42; 43]).

Мы сохраняем оригинальный хайдеггеровский термин «Дазайн» (нем. *Dasein*). В русскоязычной литературе существует несколько других переводов: «присутствие» (В.В. Бибихин), «здесь-бытие» (А.В. Михайлов), «вот-бытие» (Е.В. Борисов, И.М. Инишева; это буквальный перевод термина: *Da-sein*), «сиюбытность» (Н.А. Гучинская) [3, с. 111].

⁴ Такой перевод предлагается в [20].

⁵ Мы употребляем здесь термин «инструмент» в самом широком смысле: инструменты – вещи, имеющие употребление. (В контексте исследования философии Хайдеггера еще используют английский термин «equipment» – эквивалент немецкого *Zeug*.) К. МакДэниэл, например, к подручным сущим относит «инструменты, употребляемые объекты, культурные продукты, ценные и значительные вещи (*things of value and significance*). Примеры включают: молотки, дверные ручки, книги, консервные ножи, игровые автоматы». К наличному он относит, например, «объекты научного исследования, имеющие свойства, которые могут быть охарактеризованы математической физикой» [42, р. 332]. Согласно интерпретации МакДэниэла, подручное сущее и наличное метафизически различны и, следовательно, относятся к двум непересекающимся областям (никогда не могут совпадать). Большинство интерпретаций относят и то, и другое к одной области (одна и та же вещь может быть и подручным сущим, и наличным) [42].

ное»⁶ (нем. *das Vorhandene*), вырванное из холистической системы практических связей (например, молоток вне своего употребления теряет свой смысл). В тревоге «мир имеет характер полной незначимости» [22, с. 186].

Аналогичным образом витгенштейновская проблема следования правилу, как известно, состоит в том, что в общем случае нет правила, а точнее, метаправила для следования правилу (Витгенштейн говорит, что мы следуем правилу «слепо»).

Решение или устранение проблемы следования правилу предполагает суждение или действие (в контексте и в соответствии с правилом) – языковую игру, за которое делающий суждение или совершающий действие несет ответственность (интерпретация проблемы следования правилу в терминах языковой игры наша [6; 7; 10; 11; 15–17]). Далее мы примем это во внимание при рассмотрении аналогии между Витгенштейном и Хайдеггером.

Д. Иган обоснованно полагает, что проблема, с которой сталкиваются оба философа, имеет отношение к интенциональности наших проектов и действий. В самом деле, последняя подразумевает рациональную обоснованность и, следовательно, наличие стандартов (критериев) рациональной обоснованности [33; 34]. Если в конечном итоге таких стандартов нет или они оказываются произвольными, рациональная обоснованность ставится под сомнение.

Мы в целом согласны со структурной аналогией и анализом Игана (именно поэтому мы и выбрали его работу для критического исследования), но, во-первых, считаем, что понятие аутентичности все же содержится в философии позднего Витгенштейна. Аутентичной является, на наш взгляд, новая (т.е. не уже устоявшаяся, автоматически воспроизводимая и как бы лишенная нормативности⁷) языковая игра как корректное применение витгенштейновского правила, которое ею управляет. Витгенштейн называет такие игры «спонтанными», «естественными». Во-вторых, мы утверждаем, что аналогия между Хайдеггером и Витгенштейном может быть расширена на последнюю работу Витгенштейна «О достоверности»⁸. И в-третьих, мы смотрим на анализ Игана и обоб-

⁶ Такой перевод предлагается в [20].

⁷ В автоматически воспроизводимых языковых играх нормативное измерение становится незаметным.

⁸ Иногда говорят о «третьем» или даже «четвертом» Витгенштейне. Д. Притчард, например, считает, что работа «О достоверности» содержит новые идеи, которые отсутствуют в предыдущих работах [45]. Соглашаясь с ним, мы в то же время полагаем, что меж-

щаем его аналогию с точки зрения нашей собственной интерпретации Витгенштейна, которая близка к контекстуальному реализму Ж. Бенуа и принимает концепт реальности в качестве первичного концепта [11; 23].

Последнее необходимо, так как, в отличие от философии позднего Витгенштейна, философия Хайдеггера относится к феноменологической традиции⁹, содержит эссенциализм и трансцендентализм. Например, К. Романо считает, что вопреки критике гуссерлевского априоризма, она сохраняет эссенциализм (Хайдеггер говорит о «формальности» онтологии), а также является по стилю мышления трансцендентальной, несмотря на разрыв с классическим трансцендентализмом [18, с. 59]. П. Горнер тоже полагает, что «феноменологию Хайдеггера можно рассматривать как форму трансцендентальной философии» – как радикализацию феноменологии Гуссерля, а не разрыв с ней [35, р. 171]. Феноменологический метод Хайдеггера раскрывает скрытую онтологическую структуру¹⁰. (С. Романо говорит о «латентном трансцендентализме фундаментальной онтологии». Дазайн – условие возможности самой возможности [18, с. 60].) Для Витгенштейна же «ничего не скрыто». Это означает, что удовлетворительное решение проблемы тревоги в рамках аналогии с философией позднего Витгенштейна требует некоторой коррекции

ду работой «О достоверности» и предыдущими работами Витгенштейна можно установить тесную связь. В частности, имеется тесная связь между проблемами следования правилу и петельных предложений. Последние мы интерпретируем как наиболее общие витгенштейновские правила (т.е. правила, управляющие языковыми играми), относящиеся к грамматике формы жизни [11; 15; 17].

⁹ Витгенштейн прибегает к «грамматическому» (концептуальному) анализу, тогда как подход Хайдеггера – «феноменологический»: онтическое противопоставляется онтологическому и исследуется именно онтологическое, а не то, что существует (исследовать существующее – задача науки).

¹⁰ Кантовские категории, априорным образом детерминирующие опыт, Хайдеггер заменяет экзистенциалами (Existenzialien), которые структурируют Дазайн (т.е. для Хайдеггера – реальность). «Бытие-в-мире» (in-der-Welt-sein), тревога (Angst), боязнь (Furcht), забота (Sorge), аффективная расположенность/находимость (Befindlichkeit), понимание (Verstehen), речь (Rede), падение (Verfallenheit) – примеры экзистенциалов (см. также [21, с. 37]). Хайдеггер также пишет: «Истину надо осмыслить как фундаментальный экзистенциал» [22, с. 297]. Он утверждает: «Смысл есть экзистенциал присутствия» (В.В. Библихин переводит Dasein как «присутствие») [22, с. 151]. Экзистенциалами также являются настроение (Stimmung), заброшенность (Geworfenheit), бытие-в (In-Sein), бытие-с (Mit-Sein).

Для Хайдеггера «Бытия и времени» Дазайн играет квазиконститутивную роль, для него нет различия между бытием и пониманием бытия, бытием и раскрытием бытия. У позднего Хайдеггера, согласно П. Горнеру, отношение к бытию превосходит понимание бытия и конституирует Дазайн [35, р. 172].

философии Хайдеггера¹¹. Витгенштейновский по духу контекстуальный реализм – это полный отказ от трансцендентализма.

В то же время общим для «феноменологического» подхода Хайдеггера и контекстуального реализма является критика картезианского «натуралистического» подхода науки, согласно которому существует внешний мир осмысленных в себе объектов (дихотомия субъект-объект). Хайдеггер также отвергает, что мир сам по себе, независимо от Дазайн имеет смысл. Следующие его слова, как нам представляется, можно интерпретировать с позиции контекстуальности онтологии, которую провозглашает контекстуальный реализм, т.е. в том плане, что вне контекста нет смысла говорить об определенном бытии: «Конечно, лишь пока Дазайн *есть* (т.е. лишь пока понимание Бытия онтически возможно), Бытие “имеет место”. Если Дазайн не экзистирует, то “нет” также “независимости” и “нет” также “по-себе”. Подобное тогда ни понимаемо, ни непонимаемо. Тогда внутримирное сущее тоже и не может быть раскрыто и не способно лежать в потаенности. *Тогда* нельзя сказать ни что сущее есть, ни что оно не существует. Это *теперь*, пока есть понимание Бытия и тем самым понимание наличности, можно конечно сказать, что *в этом случае* сущее будет еще и дальше быть» (Мы модифицировали перевод В.В. Биbihина [22, с. 212]. В частности, мы переводим «Dasein» как «Дазайн».) Хайдеггер, на наш взгляд, берет слово «нет» в кавычки именно потому, что в отсутствие Дазайн нет «независимости» и нет «по-себе» не в том смысле, что они могли бы быть, но их нет, а в том смысле, что о них нет смысла говорить – они «ни понимаемы, ни непонимаемы» (в этом же отношении, с точки зрения контекстуального реализма у реальности как таковой «нет» смысла).

Подобным же образом следует понимать слова Хайдеггера о том, что «истина “имеется” лишь поскольку и пока есть Дазайн. Сущее лишь тогда открыто и лишь до тех пор разомкнуто, пока вообще Дазайн есть» [22, с. 226]. Говоря в наших терминах, истина вторична; об истине имеет смысл говорить в случае применения правил (норм, кон-

¹¹ Например, в рамках своего феноменологического подхода С. Романо идет «на шаг дальше Хайдеггера, к чему мы уже подготовлены самим Хайдеггером, в особенности его “Бытием и временем”» [18, с. 52]. Он рассматривает понятие «Дазайн» с точки зрения понятия «событие»: «Дазайн приходит к существованию только в событии рождения» [18, с. 59]. (Уже для Э. Левинаса Дазайн – «бытие-событие», или «событие бытия».) Подобным же образом, сравнивая Дазайн и языковые игры и формы жизни, мы говорим о рождении языковых игр.

цептов) в контексте. В то же время может показаться, что Хайдеггер впадает в идеализм, когда утверждает, что «законы Ньютона, правило о противоречии, всякая истина вообще истинны лишь пока есть Дазайн. До Дазайн, и когда его вообще уже не будет, не было никакой истины и не будет никакой, ибо тогда она как разомкнутость, открытие и раскрытость не сумеет быть. До открытия законов Ньютона они не были “истинны”; отсюда не следует ни что они были ложны, ни тем более что они, когда онтически раскрытость уже не будет возможна, могли бы стать ложны» (наша модификация перевода В.В. Бибикина [22, с. 226]). Это можно интерпретировать антиреалистически в том самом смысле, в котором Б. Латур утверждал, что египетский фараон Рамсес II не мог умереть от туберкулеза, поскольку в те времена о бактериях ничего не было известно и даже не существовало понятие микроорганизма, а бацилла Коха была открыта только в конце XIX века [39;40]. Но это можно понимать и в том смысле, что ни истина, ни законы, ни концепты сами по себе не являются частью физического мира, реальности. Отсюда, однако, не следует, что мы не можем делать истинные или ложные суждения о прошлом (и даже о далеком прошлом, когда на Земле вообще не было жизни) или будущем или говорить, что явления в прошлом подчинялись (в будущем будут подчиняться) некоторым известным в настоящее время законам. Именно поэтому Хайдеггер далее пишет: «Законы Ньютона были до него ни истинны ни ложны, не может значить что сущего, которое они раскрывая выявляют, до того не было. Законы стали через Ньютона истинны, с ними сущее стало для присутствия доступно само по себе. С раскрытостью сущего это последнее кажет себя именно как сущее, которое прежде уже было. Так открывать есть способ бытия “истины”» [22, с. 227].

Контекстуальная интерпретация, как нам кажется, подтверждается употреблением Хайдеггером немецкого рефлексивного глагола *sich verhalten*, который В.В. Бибикин переводит как «относиться». Д. Иган пишет: «Хайдеггер хочет, чтобы мы признали нашу ответственность за осмысленность нашего мира. В то же время для способа, которым эта осмысленность оформляется, он сознательно выбирает выражение, которое не является ни активным, ни пассивным – *sich verhalten*, рефлексивный глагол, переводимый как *comport* или *relate*, подчеркивая таким образом, взаимное отношение, которое Дазайн имеет со своим миром» [33]. Это не восприимчивость Дазайн к предопределенному, осмысленному в себе миру (это был бы метафизический реализм) и не

волевое конструирование такого мира, придание ему смысла со стороны (это был бы метафизический антиреализм), а восприимчивость в контексте, в результате которой осмысленные определенные вещи эксплицируются рефлексией при внимательном анализе контекста. «Дазайн, – пишет Иган, – не навязывает миру смысл посредством суверенного волевого акта, а позволяет смыслу возникнуть в результате внимательной ответной реакции на этот мир» [33, р. 25].

Контекстуальный реализм тесно связан с этическим реализмом (см. [23, ch. X; 14]). В свою очередь, Иган указывает на то, что параллель между Витгенштейном и Хайдеггером выявляет связь этики Витгенштейна с его философскими исследованиями (это имеет отношение к тому, каким образом употребляется глагол *verhalten*. Витгенштейн употребляет этот глагол в своей работе «Culture and Value»). Для Витгенштейна этика – не теория. Наиболее важным является для него изменение общей установки.

В рамках контекстуального реализма Витгенштейна представление предполагает не априорные (трансцендентальные) условия существования объекта, а условия своей эффективности (от слова «эффект») в контексте: реальные вещи, т.е. то, что существует, идентифицируются в контексте в результате применения соответствующих правил/норм/концептов, вырабатываемых и укорененных в реальности.

2. Тема тревоги и эпистемология петлевых предложений

Расширение аналогии между Хайдеггером и Витгенштейном на работу Витгенштейна «О достоверности», содержащую эпистемологию Витгенштейна (Витгенштейн, в частности, критикует скептицизм и картезианский эпистемологический фундаментализм), нам видится следующим образом.

В соответствии с анализом Д. Притчарда, с которым мы во многом, но не полностью согласны (см. критику в [10; 16]), в работе «О достоверности» Витгенштейн не столько разбирает критику идеализма, содержащуюся в работах Дж. Мура, и преодолевает (устраняет) картезианский скептицизм относительно существования внешнего мира, сколько выявляет структуру рациональности. Витгенштейн показывает, что не имеет смысла говорить о глобальной рациональности. Всякая рациональность локальна и подразумевает так называемые петлевые предложения (ПП). Существуют разные интерпретации ПП, в том числе и наша собствен-

ная¹² [7]. Все интерпретации, однако, предполагают, что ПП не имеют обоснования.

В рамках своего так называемого «байскопического подхода» к трактовке проблемы скептицизма¹³ Притчард показывает, что необоснованность ПП порождает «эпистемическую тревогу» (англ. *epistemic angst*; мы переводим термин *angst* как «тревога» и считаем, что он имеет отношение к хайдеггеровской проблематике тревоги; заметим, что оба автора употребляют одно и то же слово: Притчард – английское *angst*, Хайдеггер – немецкое *Angst*), которая, однако, устраняется, по крайней мере частично, если понять структуру рациональности (в нашей работе с точки зрения контекстуального реализма мы также говорим о понимании трехаспектной – логической, парадигматической (натуралистической) и эпистемической – природы ПП [7]).

Согласно Притчарду, устранение эпистемической тревоги, которая возникает при размышлении об основаниях наших убеждений (мнений, знания) и исчезает при достижении понимания роли ПП (что требует философского – эпистемологического – анализа), не приводит, однако, к избавлению от «эпистемического головокружения» (*epistemic vertigo*), возникающего в процессе рефлексии относительно ПП и их вариабельности (Притчард употребляет также термины «фобия» и «акрофобия» [44, p. 121]; это когда есть понимание, что опасности нет, но все равно

¹² Притчард полагает, что ПП не рациональны, а «арациональны». Мы считаем, что ПП рациональны в расширенном смысле понятия рациональности. ПП – наиболее общие правила формы жизни. Правила, укорененные в форме жизни, в реальности, по определению рациональны. «Локальность» рациональности и есть укорененность наших концептов и правил/норм в реальности (опыте, форме жизни, контексте), и их зависимость от контекста, т.е. существование ПП, относится к самой сути рациональности. Наша интерпретация имеет некоторые сходства с интерпретацией А. Колива, которая тоже рассматривает ПП как правила [30]. Отметим, что Д. Иган указывает на, по сути, аналогичное решение так называемой «мотивационной проблемы» у Хайдеггера («что мотивирует фундаментальный проект?», «для чего?»). Он пишет: «Мое базовое поведение в мире не может быть рационально обоснованным не потому, что отсутствуют рациональные основания, а потому что рациональное обоснование есть практика, возникающая из базового поведения, и мы не можем разумным образом применить эту практику, находясь вне жизни, в которой она имеет употребление» [33].

¹³ На самом деле Д. Притчард видит две разные проблемы в картезианском скептицизме, которые он устраняет путем устранения их ложных предпосылок. (А. Колива и Г. Вригт говорят об одной и той же скептической проблеме, но двух ее версиях: картезианском и юмовском скептицизмах [См.: 31].) При этом витгенштейновский подход устраняет лишь одну из них, тогда как так называемый «эпистемологический дисджантивизм» – другую. В другой работе мы поставили под вопрос необходимость последней теоретической конструкции [15; 17]. Сходную позицию занимает А. Колива [31].

сохраняется остаточная тревога – боязнь¹⁴). Между прочим, рефлексия несовместима с действием; она блокирует наши действия [45]¹⁵. В то же самое время рефлексия, понимание, что существуют другие ПП, делает возможным «конфликт» и «взаимное признание» (как утверждает Г. Бертрам – интерпретатор Гегеля и Р. Брэндома, одно без другого невозможно [26]).

Таким образом, следует понять, что не стоит беспокоиться относительно отсутствия фундамента у нашего знания. Правда, несмотря на это понимание, сохраняется «головокружение» (не тревога) от того, что познание все-таки предполагает ПП. Головокружение сохраняется, когда мы рефлексивно отдаляемся от наших спонтанных употреблений ПП (при этом связь с практикой их употребления ослабляется), начинаем смотреть на них со стороны и сравнивать их с другими ПП, осознавая тем самым, что существуют разные ПП и наши собственные ПП могли бы быть другими.

Очевидно, что опыт головокружения (и, следовательно, предшествующий ему опыт тревоги), о котором говорит Притчард, необходим для того, чтобы не впасть в эпистемологический догматизм. Следует понять, что ПП могут быть разными, они могут менять свой статус и даже превращаться в ложные эмпирические предложения. Не впасть в релятивизм, утверждающий, что каждый может выбирать те ПП, которые считает нужным, позволяет понимание природы ПП, т.е. избавление от эпистемической тревоги. Мы видим здесь связь с проблемой релятивизма, которую может порождать неправильно употребляемое понятие формы жизни, к которому апеллирует Витгенштейн, поскольку ПП относятся к «грамматике» (логосу) формы жизни¹⁶.

Наш тезис состоит в том, что аналогия между Хайдеггером и Витгенштейном лучше всего может быть понята с точки зрения витгенштейновского контекстуального реализма и ее можно расширить на случай

¹⁴ Аналогичным образом, согласно Хайдеггеру, мы не должны надеяться полностью освободить себя от тревоги.

¹⁵ Рефлексия и познание (действие) взаимно дополнительны примерно в том же смысле, в каком в квантовой механике говорят о принципе дополнительности [8].

¹⁶ Понятие формы жизни популярно, но оно зачастую субстанциализируется, наполняется конкретным содержанием, тогда как у Витгенштейна оно играет терапевтическую роль: вместо поиска фундамента или, наоборот, простого отрицания его существования, внимание обращается на то, что люди делают, как они живут (парафразируя Витгенштейна, можно сказать: если что-то и «дано», то «дана» форма жизни). С другой стороны, если искать аналог этого понятия у Хайдеггера, требуется некоторая его субстанциализация либо, наоборот, некоторая терапевтическая коррекция философии Хайдеггера.

проблемы ПП, рассматриваемой в работе «О достоверности». При этом хайдеггеровским понятиям «тревога» и «боязнь» (нем. *Furcht*)¹⁷, соответствуют понятия «тревога» и «головокружение», которые употребляет Притчард¹⁸.

В самом деле, у Хайдеггера речь идет о вложенных друг в друга интенциональных «проектах», которые в конечном итоге упираются в последний необоснованный проект (в противном случае возникает регресс к бесконечности). Здесь, конечно, имеется уже рассмотренная выше аналогия, которую и проводит Иган, с проблемой следования правилу (если всегда требовать правило для применения правила, то возникает бесконечный регресс). В то же время имеется также совершенно очевидная аналогия с системой вложенных рациональных обоснований (у Хайдеггера более общий проект служит в качестве рационального основания для вложенных в него проектов), которая упирается в последнее обоснование, которое само не имеет обоснования – ПП. Поскольку мы интерпретировали ПП как наиболее общую грамматику (нормативность) формы жизни, с нашей точки зрения, система вложенных проектов у Хайдеггера также соответствует системе вложенных форм жизни у Витгенштейна¹⁹. Таким образом, проблема тревоги, т.е. проблема потери осмысленности мира Дазайн, бытия-в-мире (нет ответа на вопрос «для чего?»), аналогична проблеме понимания роли ПП, или проблеме понимания структуры эпистемической рациональности. То есть одинаковую структуру имеют не только проблема тревоги и проблема следования правилу (отметим, что можно также говорить о структуре языковой игры), рассмотрением которой ограничивается Иган, но и эти проблемы и проблема ПП (или форм жизни). На самом деле структура, о которой идет речь, – это структура контекстуального реализма (см. обоснова-

¹⁷ Такой перевод предлагается в [20]. Хайдеггер пишет: «Страх есть упавший в мир, несобственный и от себя самого как таковой потаенный ужас» [22, с. 189] (В.В. Библихин переводит нем. термин *Furcht* как «страх», мы переводим его как «боязнь»).

¹⁸ Смешение понятий тревоги (*Angst*) и боязни (*Furcht*) допускает, на наш взгляд, А. Салин. Он пишет: «И *Angst* как раз и возникает, когда у *Dasein* голова идет кругом от возможных для него проектов, *Angst* - это страх перед своей свободой выбора» [19, с. 157]. В то же время, как и мы, Салин предлагает перевести термин *Angst* как «тревога».

¹⁹ Аналогию между социальными практиками, в которые вовлечен человек – Дазайн, или человек в мире, и витгенштейновскими формами жизни видит и Иган [34]. Некоторое различие он усматривает в том, что Хайдеггер сосредоточивает внимание на употреблении вещей (например, молотка, стула и т.д.), а Витгенштейн – на употреблении слов, математических символов, языка. В то же время, заметим, в общем случае языковые игры Витгенштейна – это смесь слов и вещей.

ние, например, в [11]), т.е. это структура проблемы «провала» между правилом (нормой, концептом) и реальностью (его применением к реальности)²⁰.

Итак, проблема рациональности (соответственно, интенциональности), с которой, согласно Игану, сталкиваются Хайдеггер и Витгенштейн – проблема понимания, что можно считать обоснованием или когда можно говорить об обоснованности²¹, – это, в соответствии с нашим расширением аналогии между Хайдеггером и Витгенштейном, проблема структуры рациональности, которую, согласно Притчарду, выявляет Витгенштейн в работе «О достоверности».

К тому же мы считаем, что проблема следования правилу, поскольку, по сути, ее структура есть структура «контекстуального реализма», и порождаемая ею проблема скептицизма²² имеют отношение к проблеме ПП и проблеме картезианского скептицизма. И если Иган говорит лишь о скептицизме в контексте проблемы следования правилу, то мы утверждаем, что здесь речь также можно вести и о скептицизме в смысле традиционного скептицизма относительно существования внешнего мира. Это тем более важно отметить, что для Хайдеггера «скандал в философии» состоит не в том, что, как считал Кант, нет убедительного доказательства существования внешнего мира («присутствия вещей вне нас»), «но в том, что такие доказательства снова и снова ожидаются и предпринимаются» [22, с. 205].

²⁰ Инстанциациями этой структуры являются трудная проблема (проблема объяснительного провала) в философии сознания, проблема измерения в квантовой механике и проблема невозможности полной формализации математики, что утверждают теоремы Геделя [11].

²¹ Сам концепт обоснования, как и любой концепт, имеет смысл только в рамках формы жизни. К тому же само обоснование – тоже практика. Рациональные основания – то, что Р. Брэндом, называет «asking for and giving reasons» (спрашивать об основаниях и приводить основания), суть практики [27], [33]. Эти практики, как пишет Иган, сами являются формами нашего поведения. Поэтому они не могут обосновать наше поведение со стороны [33, р. 24]. Другими словами, не имеет смысла говорить об абсолютном (деконтекстуализированном) обосновании – обосновании самой нашей формы жизни. Об отсутствии абсолютного обоснования и абсолютной достоверности говорит и Витгенштейн в работе «О достоверности». Критика «картины обоснования», которую предлагает Иган, аналогична интерпретации, предлагаемой Притчардом: в работе «О достоверности» Витгенштейн выявляет структуру эпистемической рациональности.

²² В «Философских исследованиях» Витгенштейн пишет: «Таков наш парадокс: план действий нельзя определить правилом, поскольку всякий план действий можно привести в соответствие правилу. И ответ был: если все можно привести в соответствие правилу, тогда можно устроить и так, что все будет ему противоречить. И, значит, тут нет ни соответствия, ни конфликта» [2, § 201].

3. Аутентичность Дазайн и языковых игр

Дазайн существует, есть. Но согласно Хайдеггеру, его существование может быть аутентичным или неаутентичным. На самом деле Дазайн имеет тенденцию становиться неаутентичным. Он становится таковым в результате «падения» (нем. Verfallen; англ. falling) в усредненное повседневное существование, смысл которого мы не конституируем. Напротив, в тревоге, сталкиваясь с обесмысленным миром как таковым, с отсутствием у наших практик фундамента, с ужасающей открытостью, хрупкостью, негарантированностью нашего существования, мы осознаем себя как индивидуумы, которые свободны выбирать и реализовывать свои возможности, быть самими собой. Таким образом, в отсутствие тревоги аутентичность Дазайн невозможна²³.

Согласно нашей аналогии у Витгенштейна аутентичность невозможна в отсутствие эпистемической тревоги и последующего эпистемического головокружения, о которых говорит Притчард (она также невозможна без конфликта и взаимного признания [26].) Новые языковые игры, возникающие в результате отказа от догматизма устоявшихся языковых игр и форм жизни, – это новые употребления реальности или новые (измерения) реальности. Сказанное смыкается с проблематикой следования правилу, поскольку новая языковая игра есть новое применение правила, соответствующее новой проекции, реализации возможности Дазайн у Хайдеггера.

Итак, различие между неаутентичным Дазайн и аутентичным Дазайн – это различие между усредненным, «нивелированным» (термин Хайдеггера), нерелексивным повседневным существованием и подлинным (ответственным) человеческим существованием (бытием). Аутентичный Дазайн готов к тревоге и не свободен от нее; он понимает, что нет абсолютной достоверности, абсолютного фундамента²⁴. Но он не захвачен тревогой (здесь имеется аналогия между хайдеггеровским аутентичным ответом на тревогу и витгенштейновским ответом на скептицизм).

²³ Для К. МакДэниэла «аутентичное существование – наиболее экстремальная возможность существования Дазайн» [Цит. по: 41, р. 78].

²⁴ Аутентичность предполагает решительность и антиципацию. Решительность предполагает готовность к тревоге. Хайдеггер пишет: «...Молчаливое, готовое к ужасу бросание себя на самое свое бытие-виновным – мы называем *решимостью*» [22, с. 297].

Согласно Хайдеггеру, неаутентичный Дазайн подчинен «дас Ман» (нем. das Man) (см. первый раздел «Бытия и времени») ²⁵. В контексте сравнения Хайдеггера и Витгенштейна немецкое безличное местоимение «Ман» соответствует витгенштейновскому «мы». «Мы», как и «Ман», не размышляет, а делает то, что делают все. У Витгенштейна, согласно нашей интерпретации, то, что делают все, – это устоявшиеся, механически воспроизводимые языковые игры (локальные нормативные практики), составляющие основу формы жизни. Поэтому без них не обойтись, их существование – условие возможности аутентичных языковых игр (Дазайн). Всякая форма жизни, всякая грамматика, нормативность, концептуальность предполагает такие устоявшиеся языковые игры, регулярности. Как отмечает Иган, влияние «дас Ман» неустранимо, но оно не «удушающее», потому что мы постоянно поддерживаем «дистанцию» (термин Хайдеггера) с ним [34].

Как уже было сказано выше, структура проблемы следования правилу (к которому апеллирует Иган) – это структура контекстуального реализма. С точки зрения контекстуального реализма тревога в смысле Хайдеггера есть опыт непосредственного контакта с реальностью как таковой (которая не просто не имеет смысла, а о смысле которой нет смысла говорить: реальность, т.е. «мир как таковой» ²⁶, просто такова, какова она есть), когда человек оказывается вне концептуализированной (не в смысле измененной при помощи концептов, а в смысле «прирученной», идентифицированной), регламентированной, автоматизированной той или иной части, того или иного среза реальности, вне рамок устоявшейся формы жизни и вынужден принимать решения, брать на себя ответственность за свои действия, которые могут оказаться корректными (истинными) или ложными, что не предопределено заранее ²⁷.

Применение витгенштейновского правила либо корректно, либо нет. Это не волевой выбор, не слепой прыжок в неизвестность. В рамках

²⁵ «Das Man» можно перевести как «люди» [20]. Мы сохраняем оригинальный немецкий термин.

²⁶ «От-чего ужаса есть мир как таковой. Полная незначимость, возвещающая о себе в ничто и нигде, не означает мироотсутствия, но говорит, что внутримирно сущее само по себе настолько полностью иррелевантно, что на основе этой *незначимости* всего внутримирного единственно только мир уже насаждает в своей мирности» [22, с. 187].

²⁷ В отсутствие Дазайн вещи в мире и сам мир не имеют никакого смысла. (То есть смысл как таковой не принадлежит к реальности, не есть ее часть.) Тревога, как пишет Иган, позволяет понять «пустоту предположения», что «автомобильность (carhood) автомобилей и деревность (treethood) деревьев – самостоятельные черты мира, которые были бы у него независимо от того, был бы или нет понимающий их Дазайн» [34].

контекстуального реализма мы понимаем витгенштейновское правило как знание-как, а его применение – новорожденную языковую игру понимаем как контекстуальное применение этого знания-как в практическом модусе (практический модус позволяет применить правило в отсутствие метаправила для его применения) [9]. В контексте применение правила (нормы, концепта) как знания-как истинно или ложно, является обоснованным *post factum* или нет.

Поскольку ПП – наиболее общие правила, проблема ПП – это также проблема существования правила (нормы, концепта) и применения правила (нормы, концепта) следования ему. Одна неотделима от другой. При этом требуется принять во внимание, с одной стороны, категориальное различие между реальным и идеальным (правила, нормы, концепты идеальны), не субстанциализируя его, т.е. не превращая его в метафизический дуализм, а с другой стороны, «укорененность» идеального (наших концептов, норм, правил) в реальном. В противном случае идеальное становится псевдоидеальным – просто бессмысленным. Таковы фундаментальные требования контекстуального реализма [11; 23].

Таким образом, для нас аутентичность хайдеггеровского Дазайн соответствует аутентичности (спонтанности, естественности, корректности, истинности, обоснованности *post factum*) витгенштейновских языковых игр. При такой трактовке мы, однако, несколько изменяем как оригинальный смысл понятия Дазайн (об этом мы уже говорили выше), так, быть может, и чисто терапевтический смысл понятия языковой игры²⁸.

4. Обыденное vs метафизическое. Обыденное как аутентичное

Анализ Д. Игана включает в рассмотрение различные интерпретации проблемы следования правилу, и в частности скептическое решение проблемы, предложенное С. Крипке [13; 37] (Витгенштейн в понимании Крипке получил название «крипкестейн»²⁹), и десизионистское (от англ.

²⁸ Сравнение языковой игры с Дазайн предполагает несколько субстанциальную интерпретацию понятия «языковая игра» [16]. Подобно тому как Дазайн *есть*, языковая игра в субстанциальном смысле есть. Такая субстанциализированная языковая игра соответствует Дазайн, а ее аутентичность – аутентичности Дазайн. Ж. Бенуа рассматривает концепт языковой игры как операциональный, а не субстанциальный [24]. О языковой игре в операциональном смысле нельзя сказать, что она есть. Концепт формы жизни для Бенуа также не субстанциальный (содержательный), а «формальный» [25].

²⁹ Скептическое решение проблемы следования правилу, предложенное Крипке, апеллирует к сообществу, которое принимает нечто в качестве «истинного» применения

decision – решение), предложенное М. Дамметом³⁰ [32]. Мы согласны с Иганом (и это не только его позиция), что для Крипке, Даммета и некоторых других авторов, несмотря на различие в их подходах, оказывается общей неверная интерпретация подхода Витгенштейна к проблеме следования правилу, согласно которой Витгенштейн ставит дилемму «либо платонизм, либо скептицизм», которую он разрешает, отказываясь от платонизма³¹.

На самом деле, подход Витгенштейна терапевтический [6]. В частности, Витгенштейн (но это верно и для Хайдеггера) исходит из того, что мы изначально вовлечены в наши социальные практики – формы жизни, или «миры» (если употребить термин Хайдеггера). При таком подходе дилемма вовсе не возникает. Она возникает, если исходить из неверной предпосылки, что возможно решение проблемы следования правилу (у Хайдеггера – проблемы рациональности наших проектов) – и это же относится к проблеме необоснованности ПП, – так сказать, со стороны, теоретически. Витгенштейн предлагает не теоретическое решение проблем следования правилу и ПП, а их устранение путем устранения этой ложной предпосылки. Терапевтический подход означает понимание того, что мы не можем посмотреть со стороны на нашу форму жизни, поскольку наши правила (нормы, концепты, ПП) не автономны, а укоренены в практике, опыте, реальности, форме жизни, уже предполагающей регулярности, нормативные/интенциональные действия (языковые игры), например правильное применение (в тех или иных пределах) ариф-

правила. У Хайдеггера этой интерпретации соответствует когерентистское решение проблемы фундаментального проекта, которое он отвергает. Подлинное решение проблемы – терапевтическое по аналогии с витгенштейновским решением проблемы следования правилу.

³⁰ Для Даммета новое применение правила требует принятия решения, которое не имеет обоснования. Фактически оно не отличается от немотивированного «прыжка в неизвестность». Применительно к Хайдеггеру эта интерпретация имеет некоторые основания. Например, Хайдеггер пишет: «Ужас обнажает в присутствии *бытие* к наиболее своей способности быть, т.е. *освобожденность* для свободы избрания и выбора себя самого» [22, с. 188]. (Напомним, что В.В. Бибихин переводит *Dasein* как «присутствие», а *Angst* как «ужас».)

Некоторые замечания Витгенштейна (о «слепом» следовании правилу, о необходимости принятия решения и т.д.) можно неверно интерпретировать как такое решение проблемы. На самом деле в контексте осмысленное применение правила либо истинно, либо ложно, но не предопределено (именно потому, что оно контекстуально, само понятие контекста отвергает предопределенность).

³¹ Платонизм утверждает о существовании предопределенного факта относительно того, как следовать правилу.

метических правил. Если возникает проблема следования правилу (применения нормы, концепта), то это означает, что, быть может, само правило отсутствует, а есть лишь видимость правила или же что мы имеем дело с другим правилом, а не с тем, которое мы предполагали.

Витгенштейн не фундаменталист, но и не антифундаменталист.³² решение проблем следования правилу и обоснованности наших убеждений – ни социально-когерентистское, ни конвенционально-десизионистское (свободное, немотивированное принятие решения). С точки зрения контекстуального реализма проблема фундамента, последнего достоверного обоснования возникает тогда, когда сама постановка вопроса не до конца ясна, т.е. неясно, о каких правилах (нормах, концептах) идет речь, какие ПП принимаются по умолчанию. Другими словами, она возникает, когда смешиваются два уровня: уровень самого вопроса и уровень поиска ответа на него. Если постановка вопроса ясна, если мы опираемся на определенные ПП, которые не требуют обоснования, опоры, то проблема обоснования того или иного конкретного утверждения в контексте не возникает³³.

Наша интерпретация понятия аутентичности у Витгенштейна как спонтанности (аутентичности) языковых игр, которую, как мы утверждаем ниже, можно трактовать как «обыденное/повседневное», согласуется с трактовкой Иганом витгенштейновского «обыденного/повседневного» и его противопоставлением «аутентичного» витгенштейновского прочтения проблемы следования правилу ее скептическому прочтению у Крипке.

К обыденному/повседневному (нем. *alltäglich*) языку и/или существованию апеллируют и Витгенштейн, и Хайдеггер. О своем философском методе первый пишет: «Мы лишь возвращаем слова из метафизического в повседневное употребление» [2, § 116]. Для Витгенштейна различие между «повседневным» и «метафизическим» – это различие между языком реально работающим, т.е. употребляемым,

³² Как говорит Бенуа, отказ от фундаментализма у Витгенштейна гораздо менее драматичен, чем это зачастую предполагается. Витгенштейн не принимает даже минимальную форму фундаментализма – фундаментализм форм жизни, но он и не антифундаменталист [24]. Антифундаментализм, как и фундаментализм, – теоретическая позиция. На самом деле при внимательном отношении к контексту вопрос о фундаменте либо не возникает, либо легко решается.

³³ Д. Иган также пишет: «Наши обыденные практики обоснования, объяснения, интерпретации и тому подобное не преодолевают всякое возможное смешение или ошибочное понимание. Скорее, они дают ответ на конкретные смешения и ошибочные понимания, которые являются значимыми в данный момент» [33].

языком «языковых игр» и языком «в праздности»³⁴, который не позволяет схватить реальность, представляет собой псевдоязык, лишенный смысла³⁵. В частности, для решения проблемы следования правилу Витгенштейн обращается к обыденному.

Для Игана скептицизм, который может возникнуть при рассмотрении проблемы следования правилу³⁶, схож с тревогой, которая возникает, когда мы чувствуем, что у нас нет оснований для наших действий. Аутентичное решение проблемы тревоги не означает отказа от обыденного, повседневного, а означает его «проницательное охватывание», осознание необъяснимости (uncanniness) наших повседневных практик, осознание того, что у них нет внешнего фундамента или обоснования, что они поддерживаются лишь благодаря нашему собственному инвестированию в них. Неаутентично не повседневное существование как таковое, а усредненное повседневное существование – существование фиксированное, причем независимо от нас [34].

Таким образом, «повседневное употребление» языка – не обязательно его употребление повседневным человеком, «дас Ман». Обыденное, повседневное существование может быть как неаутентичным, усредненным, так и аутентичным. Оно аутентично, если не лишено нормативности³⁷.

³⁴ «Ведь философские проблемы возникают, когда язык *пребывает в праздности*» [2, § 38].

³⁵ Основной вопрос, который Хайдеггер пытается решить в «Бытии и времени», – вопрос о смысле Бытия. В нашей статье «Смысл есть употребление» мы сравнивали смыслы понятия употребления для Хайдеггера и Витгенштейна и проводили аналогию между языковыми играми и Дазайн [16]. Смысл языковой игры – в ее употреблении. Таким образом, смысл конкретного бытия – это смысл того, что существует, а смысл бытия как такового – смысл употребления как такового, т.е. само существование (употребляемых) концептов (правил, норм). «Зов бытия» – нормативный «зов» реальности. Понять смысл бытия как такового – значит понять природу концептуальности/нормативности, т.е. то, каким образом закрывается «провал» между идеальным и реальным. Это означает понять структуру контекстуального реализма.

Аналогичным образом, с точки зрения Игана, Витгенштейн связывает «смысл наших концептов с их употреблениями» и рассматривает «эти употребления как проявления того, что Хайдеггер называет пониманием смысла бытия» [33].

³⁶ Заметим, что в случае «слепого» следования правилу мы «сталкиваемся» с реальностью как таковой (а не с уже концептуализированной, «данной» нам реальностью), берем на себя ответственность.

³⁷ Сказанное согласуется с анализом Игана, согласно которому понятие аутентичности у обоих философов означает «восприимчивость и реагирование». Иган подчеркивает особую важность витгенштейновских языковых игр («мы не агенты, а игроки»: модернистский «агент», отметим, навязывает свою волю «внешнему миру») и считает, что модель аутентичности для Витгенштейна является музыкальная или театральная импровизация [33; 34].

Для Хайдеггера неаутентичное бытие связано с бегством от тревоги и падением (нем. *das Fallen*) Дазайн в усредненное существование. Этому бегству предшествует обесмысливание мира, превращение подручных вещей в простое наличное, лишённое употребления, что имеет некоторые сходства с тем, как Витгенштейн понимает метафизическое. Для Витгенштейна в метафизическом мы теряем смысл обыденного, из которого на самом деле мы никогда не можем полностью выйти, и которое мы не можем исследовать со стороны.

Поскольку для Витгенштейна работающий язык, т.е. языковые игры, и есть «обыденное», обыденное/повседневное может быть редким и/или специализированным. В этом (и только в этом) смысле, в частности, нет принципиальной разницы между математическим языком или языком теоретической физики и «обыденным» языком. В том смысле, в котором Витгенштейн противопоставляет обыденный язык языку метафизическому, корректно употребляемый математический язык или язык теоретической физики есть обыденный язык, корректные математические или физические языковые игры суть обыденные языковые игры. «Обыденный мир», «обыденное существование» в этом смысле не имеют онтологической нагрузки, отличающей их от других миров и существований. Как пишет Ж. Бенуа, обыденное не дано, не фактивно, не имеет «адреса» [24]. И это означает, что натуралистический метод исследования, который исходит из того, что вещи в мире имеют внутренний смысл независимо от того, существует Дазайн или нет, и который Хайдеггер противопоставляет своему феноменологическому методу, позволяющему познать «сами вещи», лишь приближенно можно назвать методом наук, например естественных наук. Последние тоже познают сами вещи³⁸.

Напротив, для Хайдеггера понятие повседневного представляется онтологически нагруженным, субстанциальным. В отличие от Витгенштейна, для него существуют вещи, которые по самой своей природе являются обыденными. Хайдеггер в «повседневном» ищет источник, происхождение того, что таковым не является [24, р. 36]. В отличие от Витгенштейна, он ошибочно предполагает, что язык имеет происхождение, что существует некий оригинальный язык [24]³⁹. Как нам представ-

³⁸ Аутентичность Дазайн состоит не только в познании самого себя, но и в познании самих вещей. Наше поведение по отношению к нам самим и по отношению к миру, вещам в мире, может быть аутентичным или нет.

³⁹ Подобным же недостатком страдает философия Гегеля, для которого греческий язык является своего рода привилегированным метаязыком для установления истины.

ляется, Иган не принимает во внимание это существенное различие между Витгенштейном и Хайдеггером.

Заключение

Итак, мы предложили расширение структурной аналогии, проводимой Д. Иганом между проблемой тревоги у Хайдеггера и проблемой следования правилу у Витгенштейна, на случай проблемы петлевых предложений, рассматриваемой Витгенштейном в работе «О достоверности». В отличие от Д. Игана, мы полагаем, что философия позднего Витгенштейна содержит понятие аутентичности: аутентичными являются языковые игры как новые корректные применения витгенштейновских правил, которые ими управляют. Мы показали необходимость трактовать указанную аналогию с точки зрения контекстуального реализма. При этом мы указываем и на существенные различия в подходах двух философов.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* О достоверности. – URL: <http://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=4600> (дата обращения: 14.02.2021).
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. – М.: Аст, 2019.
3. *Возняк С.В.* Размышления о Дазайн // Творчество как национальная стихия. Смысл творчества: инновации и Dasein / Под ред. Г.Е. Аляева и О.Д. Маслобоевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – С. 109–121.
4. *Доманов О.А.* О некоторых особенностях тревоги в философии Хайдеггера // Вестник НГУ. Сер.: Философия. – 2011. – Т. 9, вып. 2. – С. 142–147.
5. М. Хайдеггер: Pro et contra: Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли: Антология / Науч. ред. Ю.М. Романенко. – 2-е изд. – СПб.: РХГА, 2020.
6. *Прись И.Е.* Витгенштейновская проблема следования правилу: МакДауэлл vs Роберт Брэндом // Философская мысль. – 2016. – № 1. – С. 42–53. – URL: https://e-notabene.ru/fr/article_17533.html (дата обращения: 14.02.2021).
7. *Прись И.Е.* Витгенштейн о знании, достоверности и «осевых предложениях». – Saarbrücken: Lambert, 2017.
8. *Прись И.Е.* Гуманитарные науки и квантовая механика // Философия науки. – 2020. – № 2 (85). – С. 113–130.
9. *Прись И.Е.* Знание-как как владение витгенштейновским правилом. – 2020. – Неопубликованная рукопись.
10. *Прись И.Е.* Квантовая онтология Хайдеггера // Философская мысль. – 2014. – № 4. – С. 46–67. – URL: https://e-notabene.ru/fr/article_11625.html (дата обращения: 14.02.2021).
11. *Прись И.Е.* Контекстуальность онтологии и современная физика. – СПб.: Алетейя, 2020.

12. *Прись И.Е.* Контекстуальный реализм: Интервью с Ж. Бенуа // Сибирский философский журнал. – 2021. – Т. 19, № 1. – С. 63–117.
13. *Прись И.Е.* О скептическом парадоксе Крипке и витгенштайновской проблеме следования правилу // Философская мысль. – 2014. – № 1. – С. 65. – URL: https://e-notabene.ru/fr/article_12096.html (дата обращения: 14.02.2021).
14. *Прись И.Е.* Реализм Маркса // Диалог: Научно-практический журнал. – 2019. – № 1 (13). – С. 15–25.
15. *Прись И.Е.* Скептическая проблема – псевдопроблема. Открытая лекция: Существует ли внешний мир? Ч. 2: Скептический сценарий бессмыслен // Сибирский философский журнал. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 222–235.
16. *Прись И.Е.* Смысл есть употребление // Философия и культура. – 2014. – № 1. – С. 40–48. – URL: https://e-notabene.ru/fr/article_10509.html (дата обращения: 14.02.2021).
17. *Прись И.Е.* Современные подходы к проблеме картезианского скептицизма. Открытая лекция: Существует ли внешний мир? Ч. 1: Решение или устранение проблемы скептицизма // Сибирский философский журнал. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 180–194.
18. *Романо С.* Авантюра времени: Три эссе по феноменологии события. – М.: Рипол классик, 2017.
19. *Салин А.* От феноменологии ужаса к феноменологии тревоги: Бибахин, Хайдеггер и преодоление корреляционизма // Логос. – 2019. – Т. 29, № 5. – С. 151–176.
20. *Ставицева О.И.* Словарь основных терминов философии Хайдеггера // Хайдеггер и восточная философия: поиск взаимодополнительности структур / Отв. ред. М.Я. Корнеев, Е.А. Торчинов. – 2-е изд. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 308–311.
21. *Фай Э.* От категорий к экзистенциалам: Запрограммированная деструкция философии в метаполитическом проекте Мартина Хайдеггера // Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия / Ред.: М. Ляроэль, Э. Фай; пер. под науч. ред. М. Маяцкого. – М.: ИД «Дело» РАН-ХиГС, 2018. – С. 29–57.
22. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер.: В.В. Бибахина. – СПб.: Наука, 2006.
23. *Benoist J.* L'adresse du réel. – Paris: Vrin, 2017.
24. *Benoist J.* La normativité de l'ordinaire // Concepts de l'ordinaire / Ed. par P. Fasula, S. Laugier. – Paris: Ed. de la Sorbonne, 2021. – P. 35–66.
25. *Benoist J.* Our life with truth // Language, Form(s) of Life, and Logic: Investigations after Wittgenstein / Ed. by: C. Martin. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. – P. 155–172.
26. *Bertram G.W.* Where is the conflict in Brandom's theory of recognition (and why should there be any)? // Reading Brandom on A Spirit of Trust / Ed. by G. Bouché. – Routledge, 2020.
27. *Brandom R.* Between Saying and Doing. – Oxford: Oxford University Press, 2008.
28. *Brandom R.* Perspectives on Pragmatism. – Cambridge, MA; London, England: Harvard University Press, 2011.
29. *Brandom R.* Tales of the Mighty Dead. – Cambridge, MA; London, England: Harvard University Press, 2002.
30. *Coliva A.* Extended Rationality: A Hinge Epistemology. – Palgrave Macmillan, 2015.
31. *Coliva A.* Strange bedfellows: On Pritchard's disjunctive hinge epistemology // Synthese. – 2018. – URL: <https://philpapers.org/rec/COLSBO-2> (дата обращения: 02.04.2021).
32. *Dummett M.* Wittgenstein's philosophy of mathematics // The Philosophical Review. – 1959. – Vol. 68, No. 3. – P. 324–348.
33. *Egan D.* Rule following, anxiety, and authenticity // Mind. – Forthcoming. – URL: https://www.academia.edu/42575155/Rule_Following_Anxiety_and_Authenticity (дата обращения: 02.04.2021).

34. *Egan D.* The Pursuit of an Authentic Philosophy: Wittgenstein, Heidegger, and the Everyday. – Oxford: Oxford University Press, 2019.
35. *Gorner P.* Heidegger's Being and Time. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
36. *Heidegger M.* Sein und Zeit. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006/
37. *Kripke S.A.* Wittgenstein on Rules and Private Language. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
38. *Kuusela O.* Heidegger and Wittgenstein: The notion of a fundamental question and the possibility of a genuine philosophical logic // Wittgenstein and Phenomenology / Ed. by O. Kuusela, M. Ometita, T. Ucan. – N.Y.: Routledge, 2018.
39. *Latour B.* Nous n'avons jamais été modernes. – La Découverte, 1997.
40. *Latour B.* Pasteur: Geurre et paix des microbes. – La Découverte, 2001.
41. *Magrini J.M.* «Anxiety» in Heidegger's Being and Time: The harbinger of authenticity // Dialogue. – 2006. – No. 4-1. – P. 77–86.
42. *McDaniel K.* Heidegger's metaphysics of material beings // Philosophy and Phenomenological Research. – 2013. – Vol. LXXXVII, No. 2. – P. 332–357.
43. *Mulhall S.* The Routledge Guidebook to: Heidegger's *Being and Time*. – London; New York: Routledge, 2013.
44. *Book Simposium.* Duncan Pritchard, *Epistemic Angst*. (Princeton University Press, 2015) // Manuscript – Rev. Int. Fil. Campinas. – 2018. – Vol. 41, No. 1. – P. 115–165.
45. *Pritchard D.* Epistemic Angst: radical skepticism and the groundlessness of our believing. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2015; 2017.

References

1. *Wittgenstein, L.* O dostovernosti [On Certainty]. Available at: <http://open-textnn.ru/old/man/index.html?id=4600> (date of access: 14.02.21).
2. *Wittgenstein, L.* (2019). Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations]. Moscow, AST Publ.
3. *Voznyak, S.V.* (2016). Razmyishleniya o Dazayn [Reflection on Dasein]. In: Al-yaev, G.E. & O.D. Masloboeva (Eds.). Tvorchestvo kak natsionalnaya stikhiya. Smysl tvorchestva: innovatsii i Dasein [Creativity as a National Element. The Sense of Creativity: Innovations and Dasein]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 109–121.
4. *Domanov, O.A.* (2011). O nekotorykh osobennostyakh trevogi v filosofii Haydeggera [On some particularities of anxiety in Heidegger's philosophy]. Vestnik NGU. Ser.: Filosofiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], Vol. 9, Iss. 2, 142–147.
5. *Pris, I.E.* (2014). Kvantovaya ontologiya Haydeggera [Heidegger's quantum ontology]. Filosofskaya mysl [Philosophical Thinking], 4, 46–67. Available at: https://e-notabene.ru/fr/article_11625.html (date of access: 14.02.21).
6. *Pris, I.E.* (2014). Smysl est upotreblenie [Meaning is use]. Filosofiya i kultura [Philosophy and Culture], 1, 40–48. Available at: https://e-notabene.ru/fr/article_10509.html (date of access: 14.02.21).
7. *Pris, I.E.* (2014). O skepticheskom paradokse Kripke i vittgenshtaynovskoy probleme sledovaniya pravilu [On Kripke's sceptical paradox and Wittgenstein's rule-following problem]. Filosofskaya mysl [Philosophical Thinking], 1, 65. Available at: https://e-notabene.ru/fr/article_12096.html (date of access: 14.02.21).
8. *Pris, I.E.* (2016). Vittgenshtaynovskaya problema sledovaniya pravilu: MakDauell vs Robert Bredom [Wittgenstein's rule-following problem: McDowell vs Robert Bran-

dom]. *Filosofskaya mysl* [Philosophical Thinking], 1, 42–53. Available at: https://e-notabene.ru/fr/article_17533.html (date of access: 14.02.21).

9. *Pris, I.E.* (2017). Vitgenshteyn o znanii, dostovernosti i «osevykh predlozheniyakh» [Wittgenstein on Knowledge, Certainty, and “Hinge Propositions”]. Saarbrücker, Lambert.

10. *Pris, I.E.* (2019). Realizm Marksa [Marx’s realism]. *Dialog: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Dialogue: Scientific and Practical Journal], 1 (13), 15–25.

11. *Pris, I.E.* (2020). Sovremennyye podkhody k probleme kartezianskogo skeptitsizma. Otkrytaya lektsiya: Sushchestvuet li vneshniy mir? Ch.1: Reshenie ili ustranenie problemy skeptitsizma [Contemporary approaches to the problem of Cartesian skepticism. A public lecture: Does the external world exist? Part 1: Solving or dissolving the skeptical problem]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], 18 (1), 180–194.

12. *Pris, I.E.* (2020). Skepticheskaya problema – psevdoproblema. Otkrytaya lektsiya: Sushchestvuet li vneshniy mir? Ch. 2: Skepticheskiy stsenariy bessmyslen [The skeptical problem is a pseudo-problem. A public lecture: Does the external world exist? Part 2: The skeptical scenario is meaningless]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], 18 (2), 222–235.

13. *Pris, I.E.* (2020). Kontekstualnost ontologii i sovremennaya fizika [Contextuality of Ontology and Contemporary Physics]. St. Petersburg, Aleteya Publ.

14. *Pris, I.E.* (2020). Gumanitarnyye nauki i kvantovaya mekhanika [Human sciences and quantum mechanics]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2 (85), 113–130.

15. *Pris, I.E.* (2020). Znanie-kak kak vladenie vitgenshteynovskim pravilom [Knowledge-how As a Wittgensteinian Rule]. Unpublished manuscript.

16. *Pris, I.E.* (2021). Kontekstualnyy realizm: Intervyu s Zh. Benua [Contextual realism: An interview with J. Benoist]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], Vol. 19, No. 1, 63–117.

17. *Romanenko, Yu.M.* (Ed). (2020). M. Haydegger: Pro et contra: Retseptsiya i transformatsiya idey Martina Haydeggera v russkoy filosofskoy mysli: Antologiya. [M. Heidegger: Pro et contra: Reception and Transformation of Martin Heidegger’s Ideas in Russian Philosophical Thinking: Anthology]. 2nd ed. St. Petersburg, Russian Christian Academy of Humanities.

18. *Romano, S.* (2017). Avantura vremeni: Tri esse po fenomenologii sobytiya [The Temporal Adventure : Three Essays on Phenomenology of Event]. Moscow, Ripol Klassik Publ. (In Russ.).

19. *Salin, A.* (2019). Ot fenomenologii uzhasa k fenomenologii trevogi: Bibikhin, Haydegger i preodolenie korrelyatsionizma [From the phenomenology of horror to the phenomenology of anxiety: Bibikhin, Heidegger and overcoming correlationism]. *Logos*, Vol. 29, No. 5, 151–176.

20. *Stavtseva, O.I.* (2001). Slovar osnovnykh terminov filosofii Haydeggera [Dictionary of the principal terms of Heidegger’s philosophy]. In: Korneev, M.Ya. & E.A. Torchinov (Eds.). *Haydegger i vostochnaya filosofiya: poisk vzaimodopolnitelnosti struktur* [Heidegger and the Eastern Philosophy: Search for Complementarity of Structures]. 2nd ed. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society, 308–311.

21. *Faye, E.* (2018). Ot kategoriy k ekzistentsialam: Zaprogrammirovannaya destruktivnaya filosofiya v metapoliticheskom proekte Martina Haydeggera [From categories to existentialia: The programmed destruction of philosophy in a metapolitical project of Martin Heidegger]. In: Laryuelle, M. & E. Faye (Eds.). *Haydegger, «Chernyye tetrady» i Rossiya* [Heidegger, “Black Notebooks” and Russia]. Translation ed. by M. Mayatsky. Moscow, RANEPa Publishing House “Delo”, 29–57.

-
22. *Haydegger, M.* (2006). *Bytie i vremeya* [Being and Time]. Transl. by V.V. Bibikhin. St. Petersburg, Nauka Publ.
23. *Benoist, J.* (2017). *L'adresse du réel*. Paris, Vrin.
24. *Benoist, J.* (2018). Our life with truth. In: Martin, C. (Ed.). *Language, Form(s) of Life, and Logic: Investigations after Wittgenstein*. Berlin & Boston, De Gruyter, 155–172.
25. *Benoist, J.* (2021). La normativité de l'ordinaire. In: Fasula, P. & S. Laugier (Eds.). *Concepts de l'ordinaire*. Paris, Ed. de la Sorbonne, 35–66.
26. *Bertram, G.W.* (2020). Where is the conflict in Brandom's theory of recognition (and why should there be any)? In: Bouché G. (Ed.). *Reading Brandom on A Spirit of Trust*. Routledge.
27. *Brandom, R.* (2002). *Tales of the Mighty Dead*. Harvard University Press.
28. *Brandom, R.* (2008). *Between Saying and Doing*. Oxford: Oxford University Press.
29. *Brandom, R.* (2011). *Perspectives on Pragmatism*. Harvard University Press.
30. *Coliva, A.* (2015). *Extended Rationality: A Hinge Epistemology*. Palgrave Macmillan.
31. *Coliva, A.* (2018). *Strange Bedfellows: On Pritchard's Disjunctive Hinge Epistemology*. Synthese. Available at: <https://philpapers.org/rec/COLSBO-2> (date of access: 02.04.2021).
32. *Dummett, M.* (1959). Wittgenstein's philosophy of mathematics. *Philosophical Review*, 68 (3), 324–348.
33. *Egan, D.* (2019). *The Pursuit of an Authentic Philosophy: Wittgenstein, Heidegger, and the Everyday*. Oxford, Oxford University Press.
34. *Egan, D.* *Rule Following, Anxiety, And Authenticity*. Mind. Forthcoming. Available at: https://www.academia.edu/42575155/Rule_Following_Anxiety_and_Authenticity (date of access: 02.04.2021).
35. *Gorner, P.* (2007). *Heidegger's Being and Time*. Cambridge, Cambridge University Press.
36. *Heidegger, M.* (2006). *Sein und Zeit*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag.
37. *Kripke, S.A.* (1982). *Wittgenstein on Rules and Private Language*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
38. *Kuusela, O.* (2018). Heidegger and Wittgenstein: The notion of a fundamental question and the possibility of a genuine philosophical logic. In: Kuusela, O., M. Ometita & T. Ucan (Eds.). *Wittgenstein and Phenomenology*. New York, NY, Routledge.
39. *Latour, B.* (1997). *Nous n'avons jamais été modernes*. La Découverte.
40. *Latour, B.* (2001). *Pasteur: Geurre et paix des microbes*. La Découverte.
41. *Magrini, J.M.* (2006). «Anxiety» in Heidegger's Being and Time: The harbinger of authenticity. *Dialogue*, 4-1, 77–86.
42. *McDaniel, K.* (2013). Heidegger's metaphysics of material beings. *Philosophy and Phenomenological Research*, LXXXVII, 2, 332–357.
43. *Mulhall, S.* (2013). *The Routledge Guidebook to: Heidegger's Being and Time*. London & New York, Routledge.
44. *Pritchard, D.* (2017/2017). *Epistemic Angst: Radical Skepticism and the Groundlessness of Our Believing*. Princeton & Oxford, Princeton University Press.
45. *Pritchard, D.* (2018). *Book Simposium. Duncan Pritchard, Epistemic Angst*. (Princeton University Press, 2015, xiii + 236 pages) / Manuscripto – Rev. Int. Fil. Campinas, 41 (1), 115-165.

Информация об авторе

Прись Игорь Евгеньевич – доктор философии (Парижский университет), кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
frigr@gmail.com

Information about the Author

Pris Igor Evgenievich – PhD in Philosophy (U. de Paris-Sorbonne), Candidate of Sciences (Physics), Leading researcher, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)
frigr@gmail.com

Дата поступления 04.04.2021